

УДК 8.82–32

А.Н. ЦЕПЕННИКОВА,
*аспірант кафедри сучасної російської літератури
Уральського державного педагогічного університета*

ОБРАЗ АНГЕЛА СМЕРТИ В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ И. ОДОЕВЦЕВОЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ М. ЛЕРМОНТОВА

Рассматриваются особенности использования образа из поэмы М. Лермонтова «Ангел смерти», датированной 1831 г., в одноименном романе И. Одоевцевой, написанном в 1928 г. Проанализированы функции данной аллюзии, которые играют основную роль в раскрытии психологии главной героини – русской эмигрантки, девочки-подростка Люки, способствуют выявлению авторского отношения к ней, а также маркируют некоторые сюжетные коллизии романа. Данная аллюзия позволяет читателю полнее представить себе процесс взросления главной героини, раскрывает ее внутренний романтический мир, который связан с ее детством, родиной, Россией, отражает ее глубокие переживания, богатое внутреннее содержание. Следовательно, использование именно этого мифологического сюжета в романе И. Одоевцевой «Ангел смерти» не является случайным.

Ключевые слова: Азраил, Одоевцева, ангел смерти, аллюзия, Лермонтов, эмиграция, реминисценция, функции аллюзии.

Аллюзии, реминисценции, парафразы могут выполнять самые разные функции в литературе. В.Е. Хализев считает наиболее распространенными видами перекличек с текстом-первоисточником точную и неточную цитаты, а реминисценции он называет «образами литературы в литературе» [5, с. 253]. По мнению Н.В. Семенович, основная функция аллюзии – отсылка к другому тексту – при цитации дополняется установлением тождества на сюжетно-образном уровне» [4, с. 16]. Для избранного нами романа Ирины Одоевцевой «Ангел смерти» (1928 г.) отсылка к одноименной поэме М. Лермонтова играет роль, во-первых, апелляции к русской романтической традиции, во-вторых, раскрывает психологию главной героини Люки и авторское отношение к ней.

Следует отметить, что героини И. Одоевцевой – девочки-подростки из семей русских эмигрантов, вынужденные выбирать линию жизни в чуждых для них обстоятельствах. Как замечает М. Рубинс, «фоном в романе служит изгнание, однако превратности эмигрантской судьбы Одоевцева решает проследить на примере живущей в Париже русской девочки. Хотя повествование ведется от третьего лица, все события подаются в восприятии юной Люки. Еще не вполне сформировавшееся сознание подростка определяет и доминирующую в романе наивную точку зрения» [3, с. 15]. Кроме того, использование образа из поэмы Лермонтова играет сюжетообразующую роль в романе писательницы.

Поэма М. Лермонтова была написана в 1831 г. и посвящалась Александре Михайловне Верещагиной, роман И. Одоевцевой «Ангел смерти» был опубликован в 1928 г.; таким образом, произведение разделяет почти столетие. Использование писательницей-эмигранткой лермонтовских мотивов показывает те существенные изменения, которые произошли в сознании и психологии человека, по-прежнему одинокого и обреченного.

Согласно сюжету поэмы Лермонтова, Ангел смерти изначально был существом, любящим людей, исполненным сострадания к ним, стремящимся облегчить последние страдания человека:

Он знал таинственные речи,
Он взором утешать умел,
И бурные смирял он страсти,
И было у него во власти
Больную душу как-нибудь
На миг надеждой обмануть! [2, с. 309]

Далее Ангел смерти отдает свою душу Аде, земной девушке, чтобы вернуть ее к жизни. Пребывание в человеческом теле позволило ему познать радость любви, но и потерю, и предательство. Азраил¹ полностью разочаровывается в человеческой природе, с тех пор он начинает ненавидеть людей, относиться к ним с презрением:

... Ангел смерти молодой
Простился с прежней добротой;
Людей узнал он: «Состраданья
Они не могут заслужить;
Не награжденье – наказанье
Последний миг их должен быть.
Они коварны и жестоки,
Их добродетели – пороки,
И жизнь им в тягость с юных лет...»
Так думал он – зачем же нет?.. [2, с. 321]

С тех пор Ангел смерти становится олицетворением рока, зла, наказанием людей за их пороки. Именно эту его интерпретацию развивает И. Одоевцева в сюжете своего романа.

Роман «Ангел смерти» повествует о судьбе юной русской эмигрантки Люки, живущей во Франции со своей семьей: матерью (Екатериной Львовной) и старшей сестрой Верой. Люка находится под впечатлением от прочитанной поэмы Лермонтова «Ангел смерти». Ее юное, несформировавшееся сознание полно романтических грез:

«– Мама, послушай, не спи... Скажи, ты не знаешь... Есть такие стихи у Лермонтова – «Ангел смерти». Ты не помнишь?..

– Какие еще там стихи? Спи...

– Ах, мама, – взволнованно шепчет Люка, – я все вспоминаю и не могу заснуть.

– Глупости, перекрестись и спи. Лермонтова завтра в библиотеке возьмешь, тогда и прочтешь. А теперь спи» [3, с. 245].

Люка переживает период взросления, и в ее наивных, девических, романтических грезах ее любимый, Арсений, приобретает образ Ангела смерти – Азраила, мифического существа, которое, по легенде, приходит в час последних мук, чтобы забрать душу умирающего. Образ духа смерти был изображен в ранней романтической поэме Лермонтова «Ангел смерти» (1831): «Изгнанник бледный, величавый, / С холодной дерзостью очей». Юная Люка, плохо разбирающаяся в истинном положении вещей и в характерах окружающих ее людей, проецирует на человека, в которого влюблена, образ Азраила. Арсений, ее знакомый, в которого она влюблена, весьма загадочный персонаж в романе, о котором до самого конца повествования мало что известно: «– Ну хорошо. Ты не волнуйся так. Он столько тратит, нигде не служит. Мне говорили. У него в Париже... Какая-то старая американка...» [3, с. 222]. В него также влюблена и юная Люка. Он напоминает ей героя лермонтовской поэмы своей внешностью: «Она видит только его темные блестящие глаза, его тем-

¹**Азраил** – арабское имя, форма имени Израиль. В исламе Азраил – ангел смерти, один из четырех главных ангелов – наряду с Джабрилом, или Джабраилом, Микалом и Исрафилом. Израил был первоначально обычным ангелом, но после того, как он выполнил веление Аллаха, преодолев сопротивление земли и вырвав из нее глину для создания Адама, Аллах сделал его главенствующим над смертью и открыл ему судьбы всех людей. Единственное, чего не дано знать Израилу – срок смерти человека. Он определяет его по листу с именем того или иного человека, падающему с особого древа, которое растет у трона Аллаха. Израилу даны сорок дней, чтобы вынуть душу из тела. <http://imgostinaja.ru/tematicheskaya-biblioteka/hristianstvo/stihotvorene-m-tsvetaevoy-azrail/>

ные блестящие волосы» [3, с. 224], «Лицо его печально. Черные глаза смотрят рассеянно. Черные волосы гладко причесаны. И за плечами огромные черные крылья...» [3, с. 216]. «На Веринном затылке торчит хохолок. Вера снова приглаживает его щеткой, поливает вешеталем. – А ты бы спросила у Арсения Николаевича, что он делает. У него, как лакированные» [3, с. 228]. Книжные впечатления заменяют Люке реальность, во внутренний мир Арсения она проникнуть не способна. М. Рубинс замечает, что «лейтмотивом романа являются ночные видения Люки, связанные с ее смутными эротическими переживаниями: ей является огромный «ангел смерти», о котором она читала в поэме Лермонтова. Исследовательница полагает, что «лермонтовская тема, заявленная прямо в заглавии, как рефрен проходит через весь роман» [3, с. 17]. Как известно, младоэмигранты предпочитали трагического Лермонтова гармоническому Пушкину. По мнению М. Рубинс, «главной <...> причиной предпочтения Лермонтова Пушкину было ощущение младоэмиграции, что после пережитого ею метафизического и экзистенциального кризиса пушкинская гармония, красота и легкость ушли безвозвратно, оказались иллюзией» [3, с. 18].

Мифический образ ангелоподобного существа – вестника смерти перекликается в романе с психологической драмой девочки-эмигрантки. Люка находится «на границе» между старым и новым миром, Францией и Россией, между детством и взрослением, между реальностью и фантазией. Ангел смерти, Азраил, являющийся Люке, также является героем границы, роковой черты: между добром и злом, между жизнью и смертью, он не с Богом, но и не с людьми. Еще больше их сближает то, что оба существа – как Ангел смерти, так и Люка – внутренне безмерно одиноки и несчастны. Люка уверена, что она никому не нужна – ни матери, ни сестре, что ее никто не любит: «Что поделаешь? Жить надо, и каждый день. Даже если очень тяжело. Даже если очень скучно. Люке кажется, что она несчастна, но может быть это и не совсем так» [3, с. 255], она чувствует себя чужой в собственной семье: «Вот почему Вера ее отослала. Люке грустно и тяжело быть одной. В кинематографе она плакала. Было так похоже на ее, Люкину, жизнь» [3, с. 262]. Грёзы об ангеле помогают Люке уйти от страха перед реальной, вовсе не романтической жизнью.

Ангел смерти является Люке в мечтах, видениях, снах, грезах на протяжении всего романа, становясь стержневым лейтмотивом. Повествование открывается сценой встречи Люки с Ангелом смерти в образе Арсения («Листья блестят от росы. Розы тихо колышутся. Калитка скрипит. За белым туманом не видно, кто вошел в сад, только песок шуршит под ногами. Люка вытягивает шею. Вот он уже под елями. Арсений?.. Да, это он. На нем серый костюм. Лицо его печально. Черные глаза смотрят рассеянно. Черные волосы гладко причесаны. И за плечами огромные черные крылья... Он медленно идет по саду и, не останавливаясь, не оборачиваясь, поднимается на террасу, входит в дом...» [3, с. 216]). Символично его появление в финале романа («Пламя свечей слабо колышется в синем воздухе. В открытых дверях стоит Арсений. Черные блестящие глаза его смотрят прямо на Веру. В руках розы. И за плечами огромные, черные крылья» [3, с. 326]).

Арсений играет роковую роль в жизни семьи: в родах, вызванных падением с лестницы, умирает (вместе с новорожденной дочерью) Вера, которая внезапно застала Арсения за свиданием со своей пятнадцатилетней сестрой, соблазненной им накануне. Это ломает судьбы всех персонажей романа: страдает Владимир (муж Веры), безутешно страдает Екатерина Львовна (ее мать), страшное потрясение и морально-психологическую травму переживает и сама юная Люка... Так же, как и у Лермонтова, ангел смерти играет в романе И. Одоевцевой роковую роль в судьбах людей.

Юношеская влюбленность Люки носит романтический характер, но, в то же время, отнюдь не платонический. Грезы Люки эротичны: «Черные крылья, черные глаза наклоняются над ней. Холодные легкие руки гладят ее грудь, ее колени. Как холодно, как блаженно, как страшно. Сейчас оборвется ее душа. Она держится только на тонкой ниточке. Сейчас оборвется и полетит в широкое окно, в темное небо... Но почему так темно?.. Она не видит его. Только черные блестящие глаза, только черные огромные крылья... – Азраил... Ледяные губы медленно и мучительно касаются ее губ. Темно. Тихо. И веки закрываются от счастья, блаженства и ужаса. – Азраил...» [3, с. 250]. М. Рубинс замечает: «Одоевцева по-модернистски «инвертирует» представления о детстве как о времени чистоты и невинности, насыщая повествование латентной эротикой» [3, с. 17].

И. Одоевцева подчеркивает в героине идеализм, восходящий к традиции русской литературы «золотого века», ее исключительность, непохожесть на других. Люка чувствует себя чужой во французской школе, хоть и учится прилежно, чужда она и нравам своих сверстников-французов. То, чем занимаются знакомые подростки, кажется ей неприемлемым и гадким: «Как противно. Руки у него потные, и весь он отвратительный, и еще целуется с этой индюшкой. А она, Люка, побежала смотреть на него. Она, к которой прилетает Азраил...» [3, с. 252]. Она чувствует острый диссонанс своего внутреннего мира, озаренного отсветом русской культуры и литературы, и пошлой лицейской реальности. Она живет в собственном мире эмоций, своих напряженных переживаний, в который никого предпочитает не пускать: «Люка пожимает плечами. – Я бы многое могла рассказать. И поинтереснее, чем Ивонна, только не вам, вы слишком глупы. – Сама ты умна, – огрызается Ивонна. – Просто тебе стыдно, что рассказать нечего. Люка снова пожимает плечами. – Может быть, и есть что, да не тебе» [3, с. 242].

Название романа И. Одоевцевой «Ангел смерти» глубоко содержательно. Мистический, демонический ореол присущ не только образу Арсения. Сама Люка в романе выступает в роли ангела смерти – именно она и явилась причиной гибели сестры и своей новорожденной племянницы, разрушив судьбу всей своей семьи. В характере Люки присутствуют и отрицательные черты: например, она, разозлившись на сестру, отомстила ей – спрятала туфли, в которых Вера собиралась идти на вечер: «Люка следит за ней из угла.

– Мойся, мойся. Причесывайся, причесывайся. А туфель нет», «– Так тебе и надо, так тебе и надо, ведьме...» [3, с. 230], она старается влюбить в себя Арсения: «Люка висит, зацепившись за трапецию одной ногой и громко смеется.

– Что, можете вы так?

И побежденный Рене аплодирует. Аплодирует и дама. А Люка уже сидит на трапеции и раскланивается во все стороны.

Калитка скрипит. Это Вера возвращается с Арсением. Хорошо, что он видел» [3, с. 225], порой Люка едко подкалывает сестру, целенаправленно задевая заведомо для нее болезненную тему: «– Напрасно ты мне мешаешь, Верочка. Если я замуж не выйду, то поступлю в цирк и буду хлеб зарабатывать. Это лучше, чем женихов ловить. Вот и ты могла бы...» [3, с. 226].

Подобные деформации поведения отчасти связаны с тем, что Люка чувствует себя отверженной не только в лицее, но и в собственной семье: ее отталкивает равнодушные матери, зачастую непонятное поведение сестры Веры, непонятные разговоры, которые ведут взрослые и от которых ее изолируют. Она чувствует, что постоянно мешает всем, и это делает ее несчастной.

Лермонтовский герой, Ангел смерти, отличается от своего мифологического прообраза – Азраила. В нем преобладает ангельское начало, у него есть способность любить, но он очень одинок и несчастен:

«Но дух мой гибели не знает;
Живу один средь мертвецов
Законом общим позабытый,
С своими чувствами в борьбе,
С душой, страданиями облитой,
Не зная равного себе.
Полуземной, полунебесный,
Гонимый участью чудесной» [2, с. 192].

В Ангеле смерти, разочаровавшемся в людях и земных страстях, преобладает демоническое начало, воспринятое героиней Одоевцевой. Образ Арсения также наделен демоническими чертами: он лживый, ведет себя крайне непорядочно – соблазняет малолетнюю сестру своей замужней уже возлюбленной, Веры, которая беременна от него. Все это приводит к трагедии.

Образ ангела смерти в романе И. Одоевцевой – это память Люки о прошлом, о России и ее литературе; это характеристика безнравственного Арсения, это сюжетный лейтмотив, маркирующий событийные перипетии. Но Азраил – это и внутренняя сущность Люки,

жаждавшей любви и обманутой, мстящей близким ей людям; не случайно ангел смерти существует в ее собственных грезах и приносит смерть отнюдь не ей. Люка, в сущности, предшественница набоковской Лолиты, нимфетки, этого «маленького смертоносного демона». Вероятно, причины «демонизма» своей героини И. Одоевцева видит в драматизме ее жизненных обстоятельств: девочка, лишённая чуткости и внимания в семье, чуждая одноклассникам, оказалась на чужбине без нравственной помощи.

И. Одоевцева контаминирует два произведения М. Лермонтова: «Азраил» и «Ангел смерти». На замысел поэмы «Азраил» (впервые опубликована в 1876 г., датируется 1831 г.) оказали воздействие романтические поэмы «Каин» (1821 г.) и «Небо и земля» (1822 г.) Дж. Байрона. Тематически поэма «Азраил» связана с ранними редакциями «Демона» и «Ангелом смерти». Лермонтов изобразил Азраила падшим ангелом, т. е. демоном, хотя в мусульманской и иудейской религиях это ангел, помогающий людям перейти смертный рубеж.

Вероятно, И. Одоевцева знала также стихотворение М. Цветаевой «Азраил» (17 февраля 1923 г.). Героиня стихотворения Цветаевой сама жаждет смерти, любовная страсть переживается как роковая; подлинное имя («личины сорваны») любимого – Азраил, не Эрос.

<...>

Азраил! В ночах без месяца
И без звезд дороги скошены.
В этот час тяжело-весящий
Я тебе не буду ношею...

Азраил? В ночах без выхода
И без звезд: личины сорваны!
В этот час тяжело-дышащий
Я тебе не буду прорвою...

А потом перстом как факелом
Напиши в рассветных серостях
О жене, что назвала тебя
Азраилом вместо – Эроса... [6, с. 453]

Люка также переживает свою влюбленность как роковую, несущую смерть, также сама стремится к союзу с «демоном». Но исход коллизии смертельной любви и любви к смерти – другой, более банальный. В романе «Зеркало» читатель вновь встречается с Люкой, но она уже повзрослела на шесть лет, вышла замуж. Благодаря богатому любовнику-режиссеру она становится знаменитой актрисой. Но эта богатая жизнь, о которой она некогда так мечтала, не принесла ей счастья: любовник бросил ее беременную, и она покончила жизнь самоубийством... М. Рубинс замечает: «В конце романа, когда Люка бесцельно ездит по Парижу, заходит в кафе и магазины, машинально делает покупки и обменивается репликами с окружающими, весь мир предстает ей в искаженном виде, в бессмысленных фрагментах» [3, с. 24].

Таким образом, использование именно этого мифологического сюжета в романе И. Одоевцевой «Ангел смерти» не является случайным. Данная аллюзия позволяет полнее представить себе процесс взросления главной героини, раскрывает ее внутренний романтический мир, мир, который связан с ее родиной, отражает глубокие переживания, богатое внутреннее содержание.

Список использованных источников

1. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / М.Ю. Лермонтов. – СПб.: Изд. Терра-Книжный клуб, 2009. – 489 с.
2. Лермонтов М.Ю. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост. и ком. И.С. Чистовой; вступ. ст. И.Л. Андроникова / М.Ю. Лермонтов. – М.: Правда, 1988. – 720 с.
3. Одоевцева И.В. (Гейнике И.Г.) Зеркало. Избранная проза. Вступительная статья М. Рубинс / И.В. Одоевцева. – М.: Изд. Русский путь, 2011. – 656 с.

4. Семенова Н.В. Цитата в художественной прозе: монография / Н.В. Семенова. – Тверь: Тверской государственной университет, 2002. – 67 с.

5. Хализев В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высшая школа, 1999. – 253 с.

6. Цветаева М. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе / М. Цветаева. – М.: Изд. Альфа книга, 2009. – 1214 с.

Розглядаються особливості використання образу із поеми М. Лермонтова «Ангел смерті», що датується 1831 р., в однойменному романі І. Одоєвцевої, написаному в 1928 р. Проаналізовано функції цієї алюзії, що відіграють визначальну роль у розкритті психології головної героїні – російської емігрантки дівчинки-підлітка Люки, сприяють виявленню авторського ставлення до неї, а також маркують деякі сюжетні колізії роману. Ця алюзія дозволяє читачеві детальніше уявити процес підروстання головної героїні, розкриває її внутрішній романтичний світ, що пов'язаний з її дитинством, батьківщиною, Росією, відображає її глибокі переживання, багатий внутрішній зміст. Отже, використання саме цього міфологічного сюжету в романі І. Одоєвцевої «Ангел смерті» не є випадковим.

Ключові слова: Азраїл, Одоєвцева, ангел смерті, алюзія, Лермонтов, еміграція, ремінісценція, функції алюзії.

Considers the peculiarities of using images from a poem by M. Lermontov «Angel of Death», dating back to 1831, in the novel I. Odoevtseva, written in 1928. Analyzed the function of this allusions, which play a major role in the disclosure of psychology of the main character – a Russian emigrant, teen girl Hatches, contribute to the identification of the author's attitude to it, and mark some plot collisions novel. And this allusion allows the reader to fully imagine the process of maturing of the main character, revealing her inner romantic world that is associated with her childhood, homeland, Russia, reflects its deep experience, rich inner content. Consequently, the use of this mythological story in the novel I. Odoevtseva «Angel of Death» is not accidental.

Key words: Azrael, Odoevtseva, angel of death, allusion, Lermontov, emigration, reminiscence, functions allusions.

Одержано 5.11.2014.